

© 2003 г.

Пигалев А.И. КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2001. 464 с.

Состояние "методологического плюрализма" в социологии, характерное для последних десятилетий XX в., вряд ли может рассматриваться как содержательная оценка состояния современной социологической теории. Множественность подходов к объяснению социальной реальности отнюдь не отменяет необходимости не только в новой парадигме социально-гуманитарной методологии, но и в метапарадигмах, ориентированных на осуществление принципа взаимодополняемости парадигм в различных сферах гуманитарного знания.

Подзаголовок монографии указывает на то, что сверхзадачей в работе является формулирование контура методологии научных исследований культуры в самом широком ее смысле, методологии, которая в равной степени может использоваться на всем спектре гуманитарных наук, и, в первую очередь, в науках обществovedческих. Во введении "Социология символа" автор отмечает, что проблема всеобщности человеческой культуры, стоявшая уже перед Платоном, может быть решена в исследовательском плане лишь при условии придания "...исключительного и первостепенного значения именно социальной реальности в исследовании человека и культуры в качестве искусственной среды его существования...". Метод решения этой проблемы А.И. Пигалев определяет как *обновленный социологизм*, под которым понимает придание первостепенного значения символической природе социокультурных связей. Символический социологизм, по его мнению, в равной степени далек и от марксистского редукционизма связей между базисом и надстройкой, и от социологизма позитивистского толка, фетишизирующего эмпирические факты и неизбежно ведущего к исследовательскому волюнтаризму. Однако и "понимающая социология" Макса Вебера, пережившая уже не один ренессанс в западном и отечественном обществоведении, по мысли А.И. Пигалева, не спасает от схемы всеобщей редукции, сведения многообразия и взаимообусловленности общественной среды человека до неких простейших первоэлементов, будь то закономерности социальной статистики или абстрактные социальные ценности. Таким образом, заявленное в монографии наименование авторской методологической позиции - *обновленный социологизм* - требует отдельного анализа и комментариев. В первую очередь, наиболее пристального внимания заслуживает вопрос о том, каким образом методологическая позиция А.И. Пигалева "вписывается" в основные характеристики социологизма как комплекса методологических установок и что следует понимать под обновлением социологизма?

Социологизм как методологический подход формировался в значительной мере в противовес различным версиям редукционизма в общественных науках XIX столетия - географического, биологического, психологического, экономического. Социологизм Эмиля Дюркгейма отнюдь не исключал детерминистического объяснения социальных фактов, а, напротив, в значительной мере усиливал детерминистический элемент в объяснении социальной реальности. Социальный факт как первичный элемент социальной действительности своей причиной может иметь только другой социальный факт (или социальные факты). Объективизм данного подхода конституировал социальную реальность как автономную, не сводимую к простой сумме индивидов и их взаимодействий. Более того, социологизм Дюркгейма предполагал, что индивидуальное в социальных отношениях является следствием коллективного как надличностной реальности. Однако рост специализации социологического знания, характерный для второй половины XX в., в совокупности с тенденциями так называемого методологического плюрализма можно определить как прямое следствие отказа значительной части обществоведов от ориентации на объективистскую парадигму.

В данном историко-социологическом контексте предлагаемое А.И. Пигалевым название методологического подхода имеет изначально заданный полемический вектор. Антиредукционизм авторской позиции только отчасти может быть соотнесен с антиредукционистским пафо-

сом классического социологизма. Так, социологизм Дюркгейма предполагал, в первую очередь, решение принципиального для классической социологии вопроса о предмете и научном статусе социологии, в то время как *обновленный социологизм* А.И. Пигалева не предусматривает постановки подобной задачи. В данном случае само понимание социологии носит скорее общеродовой характер - как сферы интегрированного общественнознания. С этой точки зрения социологизм рассматривается не как методология социологической науки, а как метапарадигмальный подход, в котором вопросы о принадлежности к научной отрасли и границах предметной области не имеют существенного значения.

Следует отметить, что подобная установка в отношении социологической науки наиболее характерна для так называемого "конфессионального" обществоведения. Например, С.Н. Булгаков в своем проекте создания "христианской социологии" видел в последней необходимую отрасль нравственного богословия; подобным образом социологию интерпретировали во второй половине XX в. представители неотомистской философии. Однако данная установка с позиции академической социологии (вне зависимости от методологических разночтений) всегда носила несколько маргинальный характер и даже в рамках истории социологии практически никогда не рассматривалась в качестве заслуживающей пристального внимания. Таким образом, использованный А.И. Пигалевым тезис об *обновленном социологизме* изначально носит методологически конфликтный характер - обновленный социологизм в понимании автора выступает вне связи с исторически конкретным социологизмом как методологическим подходом, генетически связанным с позитивистской парадигмой. Более того, *обновленный социологизм* в том виде, в котором представлен в его книге, представляет собой метапарадигмальный подход, подразумевающий в своем основании аксиому о возможности общей для гуманитарного знания метапарадигмы, стоящей над частными парадигмами, методологиями и теориями отдельных наук об обществе и культуре.

Если рассматривать *проект обновленного социологизма* как новую попытку обоснования антинатуралистической и антипозитивистской методологии, то в позиции автора можно усмотреть наличие установки своеобразного "научного протестантизма" - обосновании необходимости начать методологический поиск с "апостольского начала", т.е. вне и даже вопреки сложившейся научной традиции. В предмет моего рассмотрения не входит оценка авторской точки зрения, однако следует отметить, что эта установка в той или иной мере всегда присуща работам, в которых автор сознательно противопоставляет свою точку зрения сложившейся научной традиции.

В примечаниях к введению имеется прямое указание на близость авторских позиций социологии символических форм Пьера Бурдьё. Тем не менее, по прочтению работы складывается впечатление, что здесь имеет место скорее некоторое сходство в понимании места и роли символического в общественных отношениях, нежели сходство в методологических установках. Для П. Бурдьё символическое является квинтэссенцией социального, неким "эфиром", являющимся связующей тканью всего, что мы можем отнести к сфере общественного. Явления экономики, политики и культуры, отношения власти и подчинения - эти феномены существуют в качестве универсалий или своеобразных архетипов в сфере символического обмена. Поскольку символические формы являются универсалиями, к миру символических форм возможно отнести все, что имеет приставку "социо", т.е. выходит за границы отдельно взятого индивида. Впрочем, и индивид, трактуемый в отличие от того же Дюркгейма как "социальный агент", также не может рассматриваться не только вне социальных (символических) связей, но и вне его *этоса*, как приобретенной в ходе социализации предрасположенности к тем или иным стратегиям социального поведения.

С данной точки зрения, постструктурализм в версии П. Бурдьё также выступает в качестве метапарадигмальной установки, усматривающей в мире символического основание не для анализа, но для синтеза различных фрагментов социальной реальности, к которой в равной степени могут быть отнесены явления политики, экономики, религии, права и пр. При этом мир символических форм у французского социолога и философа является внетемпоральным, так же, как и социология, которая по преимуществу является наукой об обществе в настоящем времени. Поэтому вопрос об эволюции символических форм, и тем более, вопрос об их сущности не только остается "за кадром", но и принципиально невозможен, так как его постановка разрушает целостность постструктуралистской метапарадигмы. В отличие от Бурдьё, социология символа у А.И. Пигалева предполагает развитие символических форм. Такие универсалии, как, например, форма и ритм имеют свою собственную динамику, в которой себя реализует принцип целостности культуры. Критически анализируя постструктурализм, автор справедливо отмеча-

ет, что последний лишь усиливает тенденцию, против которой направлен его пафос - центрации и тотальности.

В заключение следует отметить, что методологическая полемичность монографии является далеко не единственным, что может заинтересовать социологов в ее содержании. Деньги и власть, форма и ритм, фетишизм и идеология, символичность имен и социальное время - таков далеко не полный перечень социокультурных универсалий, составляющих предмет обновленного социологизма. Сама гипотеза автора об интегрированной множественности предмета социологии заслуживает пристального внимания всех тех, кто интересуется этим "вечно дискуссионным" вопросом науки об обществе.

В.А. ПИЛИПЕНКО,
кандидат философских наук